

законным образом, «методически», «в порядке». А если только допустить беспорядок, то кто знает, где остановится народ? Ведь уже и теперь он поговаривает о «равенстве», об «аграрном законе», об «уравнивании состояний», о том, что «фермы не должны превышать 50 десятин!»

Что касается городских ремесленников и всего рабочего городского населения, то здесь происходило то же самое, что и в деревне. Учреждения цеховых мастеров и гильдийских, из которых монархия сделала орудия угнетения труда, были отменены. Остатки феодальной зависимости, еще существовавшие в очень многих городах, были уничтожены народными восстаниями лета 1789 г. Владельческие суды исчезли в городах и судьи избирались народом из среды имущей буржуазии.

Но все это было, в сущности, очень немного. В промышленности стояла безработица, хлеб продавался по страшно высоким ценам. Рабочая масса готова была терпеть и ждать, лишь бы только двигалась работа для установления Свободы, Равенства и Братства. Но так как этого не делалось, она начинала терять терпение. Рабочие стали требовать, чтобы Парижская коммуна, городские управления Руана, Нанси, Лиона и т. д. сами взяли на себя закупку съестных припасов и продавали хлеб по той же цене, по какой покупали его. Они требовали, чтобы на хлеб, ссыпанный в амбары у купцов и еще не проданный, была назначена такса, чтобы были изданы законы против роскоши, чтобы богатые были обложены обязательным и прогрессивным налогом! Вообще народ волновался. Но тогда буржуазия, которая с 1789 г. запаслась оружием, в то время как «пассивные граждане» оставались безоружными, выходила на улицу, развешивала красное знамя (в знак того, что объявлено военное положение), давала народу приказ разойтись и расстреливала бунтовщиков в упор. Так случилось в Париже в июле 1791 г., так было почти повсюду во Франции.

Революция останавливалась. Королевская власть начинала чувствовать, что возвращается к жизни. Дворяне-эмигранты в Кобленце и в Митаве потирали себе руки¹. Богатые поднимали голову и пушались в отчаянные спекуляции.

Таким образом, начиная с лета 1790 г. вплоть до июня 1792 контрреволюция могла считать себя торжествующей.

Вполне естественно, впрочем, что революция, настолько глубокая, как та, которая совершалась между 1789 и 1793 гг., должна была время от времени останавливаться и даже идти назад. Старый порядок располагал громадными силами, и эти силы после первого поражения непременно должны были вновь сплотиться, чтобы преградить дорогу новому духу времени.

Вот почему в реакции, наступившей с первых месяцев 1790 и даже с декабря 1789 г., нет ничего удивительного. Но если эта реакция оказалась настолько сильной, что могла продолжаться до июня 1792 г., если, несмотря на все преступления двора, она могла возрасти настолько, чтобы в 1791 г. дело революции оказалось вновь под сомнением, - это зависело от того, что реакция была делом не одного только дворянства и духовенства, собравшихся вокруг королевского знамени. Сама буржуазия - эта новая сила, создавшаяся благодаря той же революции, принесла свою умелость в делах, свою любовь к «порядку» и собственности и свою ненависть к беспорядку народных волнений на поддержку тех, кто стремился остановить революцию. Вместе с тем очень многие образованные люди - интеллигенты, пользовавшиеся доверием народа, отвернулись от него, как только завидели первые проблески истинно *народного* восстания, и поспешили стать вновь в ряды защитников порядка, чтобы обуздать народ и положить предел его стремлениям к равенству.

Усилившиеся таким образом и сплотившиеся против народа контрреволюционные элементы повели дело так успешно, что если бы крестьяне не продолжали волноваться, а городское население не поднялось снова в конце лета 1792 г., то революция остановилась бы, не успев сделать ничего прочного.

Вообще положение дел в 1790 г. было довольно мрачное. «Бесстыдно установилась настоящая аристократия богатых, - писал Лустало уже 28 ноября 1789 г. в своей газете «Revolutions de Paris». - Кто знает, не будет ли уже теперь преступлением против нации сказать, что *нации* принадлежит верховное право?»² Между тем с того времени реакция еще более окрепла и росла с каждым днем.

В своем обширном труде по политической истории Великой революции Олар показал, какое противодействие встречала идея республиканской формы правления среди буржуазии и интеллигенции

¹ Германские королевства и Российская империя, конечно, приняли их с распростертыми объятиями.

² Цит. по: Олар А. Указ. соч., с. 89. Читатель найдет у Олара подробный разбор всего того, что Собрание сделало в антидемократическом духе.